

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сергей Владимирович ДАНИЛОВ,
кандидат исторических наук, г. Улан-Удэ

Рассмотренные в этой статье поселения и городища с хуннского до монгольского времени дают наглядное представление о существовании в степях Центральной Азии многочисленных археологических памятников с характерными строительными и архитектурными особенностями. В то же время они свидетельствуют о том, что в каждую эпоху существовали свои традиции зодчества, выразившиеся в использовании определенных строительных материалов и применении различных строительных технологий и архитектурных подходов и решений.

Для выделения характерных черт в строительных традициях каждой конкретной эпохи необходимо выявить общие принципы строительства жилищ, зданий, возведения городов, в разное время у населения Центральной Азии. Основные компоненты строительного комплекса центральноазиатского региона можно разделить на несколько групп. К первой группе принадлежат оборонительные сооружения, куда входят оборонительные рвы, насыпные валы, стены глинобетона, необработанных камней, из сырцового и обожженного кирпича. К этому же комплексу относятся башни, расположенные в стенах, на углах и у ворот оборонительных сооружений, а также ворота.

Следующую группу строительного комплекса составляют жилые комплексы: полуземлянки, наземные жилища, административные, дворцовые и храмовые здания, возведенные на платформах. Объединение в одной группе жилищ, дворцов и храмов, конечно, несколько условно, поскольку они были предназначены не только для проживания, но и для выполнения иных функций. К третьей группе можно отнести хозяйственные постройки, остатки мастерских.

Оборонительные сооружения встречались при исследовании хуннских, уйгурских, киданьских и монгольских городищ. Обычно исследователи при описании укреплений, опоясывающих периметр городищ, называют их валами. Однако раскопки, проведенные на ряде объектов, показывают, что под это определение попадают стены городищ, сооруженные из глинобетона, сырцового кирпича, расплывшиеся под воздействием времени. Валы, насыпные сооружения, сделанные в основном из грунта, вынутаго при выкапывании рва, прослеживались на городищах Иволгинском и Баян Ундэр, датируемых хуннским временем. По всей видимости, первоначальная форма валов была несколько иной. Судя по наблюдениям на разрезах валов, они в момент сооружения были выше и уже и для прочности обкладывались камнями. По всей видимости, укрепления хунну на исследованных городищах предназначались

для защиты от нападений противника, не имевшего навыков штурма крепостей. К сожалению, остаются пока неизвестными конструкции оборонительных сооружений на больших городищах хуннского времени на территории Монголии.

Стены, сложенные из сырцового кирпича, обнаружены на уйгурских городищах. Они были прослежены на цитадели III Шагонарского городища в Туве. Л.Р. Кызласов в результате проведенных исследований стен и башни этого памятника высказывает предположение о первоначальной высоте стен (6 м) и башни (7 м). При глубине рва в 3 м крепость была почти неприступной для штурма отрядами кочевников (Кызласов, 1979, с. 155).

Башни прослеживаются на многих уйгурских крепостях на территории Тувы. Они были расположены по углам и на стенах. Башня III Шагонарского городища сложена из хорошо утрамбованной глины и была достаточно прочной. По всей видимости, уйгурские крепости, расположенные в Туве, сильно укреплялись с расчетом на нападение хорошо вооруженного противника, какими были воины кыргызского каганата. В столице уйгурского каганата Орду балыке кирпичные стены цитадели даже в современном состоянии местами достигают 12 м.

На киданьских городищах, расположенных на территории Центральной Азии, также имеются укрепления, опоясывающие их территорию. В коренных землях киданей и на территории оккупированного ими Северного Китая стены городов сооружались из сырцового кирпича или из глины, переслаивавшейся с землей (Ивлиев, 1983, с. 121—124). Пока нет сведений о характере укреплений киданьских городищ на территории Монголии, но, судя по высоте сохранившихся валов, достигавших двух и более метров, это были остатки именно стен. Многочисленные угловые, фронтальные, привратные башни, Г-образные и П-образные укрепления ворот также склоняют к мысли о существовании на городище стен, конструктивные особенности которых пока неизвестны. В городище Улугчийн хэрэме зафиксирована стена, сложенная из хорошо подобранных необработанных камней. На этом памятнике перед стеной отсутствовал ров, который имелся в большинстве киданьских городищ.

В свое время С.В. Киселев выделил сходство отдельных элементов градостроительной культуры уйгуров и киданей: выбор месторасположения города вблизи рек, в поймах и на островах, прямоугольная в плане форма и наличие башен, устройство цитаделей. Имеющиеся сведения о хорошо налаженных связях между уйгурами и киданями в области торговли, возможно, имели продолжение и в сфере градостроительства, что подтверждают выводы известного археолога (Ивлиев, 1983, с. 129—130).

На большинстве городищ монгольского времени отсутствовали внешние укрепления. На памятниках, где отмечено существование валов, расположенных по периметру городища, их высота была незначительной. С.В. Киселев, характеризуя оборонительные укрепления Каракорума, писал о невысоких валах и еле заметном рве, ограничивавшем городскую территорию. Вал, исследованный ученым, представлял собой обмазанный глиной плетневый палисад и имел скорее не фортификационное, а полицейское и таможенное назначение (Древнемонгольские города, 1965, с. 126, 134). В монгольское время в центральноазиатских городах уже не было мощных стен и высоких башен. Они появились позже, в послеимперское время, когда монгольские князья начинали обособливаться, что приводило к самоизоляции отдельных владений и росту военной напряженности.

Из сказанного видно, что в хуннское и монгольское время фортификационные сооружения не имели решающего значения в обороне городского населения и сосредоточенных там ценностей. Возможно, здесь, как отмечал С.В. Киселев, мы имеем дело с ситуацией, когда мощь армии делала ненужными городские стены. Однако дело, возможно, было не только в сильной армии. Как известно, у хунну имелись постоянные враги, только и ждавшие случая, чтобы вырваться из зависимого состояния. Это удалось сделать сяньбийцам в союзе с ханьским Китаем. Еще раньше ухуани, воспользовавшись временными трудностями хунну, раскопали могилу шаньюя, что наносило удар по престижу центральной власти. Известно также о походах китайских полководцев в глубь хуннских земель. Так что хунну даже на своей территории отнюдь не чувствовали себя в полной безопасности. В Монгольской империи после конфликтной ситуации, произошедшей после смерти Великого хана Мункэ и связанной с провозглашением двух его преемников Ариг Бухи и Хубилая, Каракорум подвергался постоянной опасности. Гражданская война между наследниками престола, продолжавшаяся довольно длительное время, должна была бы способствовать укреплению столицы. Однако этого по каким-то причинам не произошло.

В Уйгурском каганате и Киданьской империи большое внимание уделялось строительству крепостных сооружений. Глубокие рвы, мощные стены из сырцового и обожженного кирпича, применение наряду с угловыми фронтальных башен, укрепления ворот, наличие пагод, выполнявших роль башен-донжонов — все это говорит об особом отношении правящих кругов каганата и империи к строительству фортификационных сооружений. По-видимому, существовала реальная военная угроза, которая требовала принятия предупредительных мер. Хотя, как показали дальнейшие события, мощные крепостные стены не спасли уйгуров от кыргызского разгрома, а киданей — от губительного вторжения чжурчжэней.

Особое место в ряду фортификационных сооружений занимают так называемые валы Чингисхана. Эти сооружения, имеющие протяженность в сотни километров, не имеют на сегодняшний день достаточно обоснованной хронологической привязки. Их относят ко времени киданьского государства Ляо, чжурчжэньского Цзинь и монгольского государства, созданного Чингисханом. Вдоль северного вала прослеживаются остатки небольших городищ, изучение которых пролило бы свет как на их конструктивные особенности, так и на время сооружения и исторические условия их существования.

Внутренняя территория городищ хунну, уйгуров, киданей, монголов имела различные постройки. Первыми полностью раскопанными Г.П. Сосновским в 1928 г. с научной целью сооружения были, наверное, углубленные в землю жилища на Иволгинском городище (1934 г.). Эти раскопки, подкрепленные позднейшими исследованиями А.П. Окладникова, В.П. Шилова и А.В. Давыдовой (Давыдова, Шилов, 1953; Давыдова, 1985, 1995) привели к устоявшемуся мнению о полуземлянках как о типичных хуннских жилищах. Однако исследования, проведенные в Монголии в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. С.В. Киселевым и Х. Пэрлээ, выявили укрепленные городища хунну с остатками каких-то крупных построек, и в какой-то мере поколебали прежние представления (Пэрлээ, 1961). Учитывая результаты раскопок абаканского здания, можно констатировать, что у хунну имелись навыки строительства довольно крупных сооружений. Однако без достаточного обоснования, без широкомас-

штабных археологических раскопок невозможно сделать каких-либо выводов о монументальной архитектуре хунну. Хотя раскопки наземных зданий выявили у хунну существование довольно развитой техники возведения подобных сооружений, разнообразие применявшихся строительных приемов и строительных материалов. Например, на хуннских городищах Гуа дов, Хурэт тов выявлены остатки земляных платформ, на которых сооружались здания, крытые черепицей. Отдельные из этих платформ достигали довольно крупных размеров и могли служить основанием для зданий дворцового типа (Пэрлээ, 1961; Э.В. Шавқунов, 1973, с. 506—507).

Не найдено пока каких-либо сооружений внутри большинства уйгурских крепостей, расположенных в Туве. Лишь на городище Бажын алак обнаружены вытянутые остатки каких то строений, разделенных на части деревянным частоколом. Внутри III Шагонарского городища находилась цитадель, в которой при раскопках обнаружены обломки черепиц и остатки деревянных столбов, вкопанных в землю. По предположению Л.Р. Кызласова, это было здание, сооруженное на сваях из-за близости грунтовых вод. Само городище, как и большинство остальных тувинских памятников, расположено вблизи водоема для повышения обороноспособности. По мнению ученого, уйгурские городища Тувы были отстроены перед кыргызским вторжением и на них еще не успела развернуться полноценная хозяйственная деятельность. Возможно, это обстоятельство послужило причиной отсутствия на городищах жилых, хозяйственных и иных построек (Кызласов, 1969, с. 63, рис. 12; он же, 1979, с. 148, 152).

На уйгурских памятниках, расположенных в центральной части каганата, наблюдается совершенно иная картина. Орду балык, крупный город, был почти сплошь застроен кварталами ремесленников и торговцев. В черте города располагалась цитадель, внутри которой находился дворец. К сожалению, автор не располагает материалами раскопок, которые проводились в столичных городах каганата, и ничего не может сказать об архитектуре и строительных особенностях зданий в уйгурских городах.

При исследовании внутренней территории киданьских городищ были зафиксированы остатки различных строений, отмечено наличие внутренней планировки, разделявшей их на отдельные кварталы. На городище Барс хот зафиксирована земляная платформа, огороженная развалинами каменных стен, внутри которых прослеживаются остатки четырех зданий. Вдоль этих стен находятся следы более 10 квадратных сооружений размерами 5 м на 5 м, а севернее обнаружена печь для обжига извести. Здесь же находятся две пагоды: одна внутри городища, другая — за его пределами. В остальных киданьских городищах отмечено существование городских кварталов с различными постройками, в том числе огороженные усадьбы с арыками. При отоплении помещений применялись каны.

Более подробные сведения имеются о сооружениях, возводимых в эпоху Монгольской империи. Раскопки предоставили в распоряжение исследователей сведения о дворцах членов императорской фамилии и монгольской знати, об административных зданиях, жилищах зажиточных и бедных горожан. Дворцы и крупные здания возводились на платформах, сооруженных из земли, глины и других подручных материалов. Платформы укреплялись кирпичными стенками, сооружавшимися по периметру и создававшими внешний контур всего здания. На крупных дворцовых сооружениях строились обводные одно-

и двухъярусные террасы. Крыши зданий, покрытые черепицей, поддерживались деревянными колоннами, устанавливавшимися на гранитных опорах. Крыши украшались терракотовыми фигурами фантастических существ, исполнявших функции оберегов. Дворец Угэдэя и дворец в Кондуе имели большое сходство в архитектурном решении многих конструктивных деталей, а в строительных материалах, применявшихся при сооружении зданий, наблюдается полное совпадение. Не менее четко проявляется сходство в архитектуре зданий меньших размеров, построенных в отдаленных от центра районах. К ним мы относим здания № 4 и № 7 в Ден Тереке и здание в Нарсатуе. Такое же, как и во дворцах, архитектурное решение основных компонентов, выразившееся в наличии платформ, возможно, опоясывавших террас, гранитных опор для колонн, идентичность строительных материалов свидетельствует о возникшей унификации в строительном деле, что позволяет предположить существование какого-то ведомства, занимавшегося вопросами строительства.

Таким образом, мы видим, что начиная с последней трети I тыс. до н.э. в традиционной культуре центральноазиатских кочевых народов формируются новые элементы культуры, которые можно определить как изменения, происходившие в материальной культуре. В степях появляются непривычные взгляду кочевника окруженные рвами и возвышающимися стенами поселения, резко отличающиеся от кочевого стойбища. (Какое отражение получило появление градостроительства в духовной культуре кочевников, еще предстоит разобраться этнографам и культурологам.). Население этих поселений занималось не совсем обычным для кочевника делом: производством различных ремесленных изделий, распашкой земли и разведением сельскохозяйственных культур, торговлей, административно-управленческой деятельностью.

Закономерно возникает вопрос о происхождении этого необычного для центральноазиатских степей феномена. Причины социально-политического и историко-культурного характера будут рассмотрены ниже. Здесь же хотелось бы наметить происхождение архитектурно-строительных традиций. По всей видимости, их корни следует искать на прилегающих к центральноазиатскому региону территориях, где с древности происходило становление производящих форм хозяйства с преобладанием земледелия и традициями оседлого образа жизни. В неолитической культуре яншао VI—IV тыс. до н.э. издавна существовали традиции оседлого домостроительства. Поселения неолитических земледельцев были укреплены валами и рвами. Стационарные поселки земледельцев имелись и на территории Дунбэя (Северо-Восточный Китай). И, возможно, именно отсюда проникали в степи Центральной Азии традиции и навыки строительства оседлых поселений. Свидетельством этого являются поселения тамцаг булакской культуры в Восточной Монголии, датируемой эпохой неолита. На поселениях отмечались стационарные полуземляночные жилища. Булакская культура, хотя и имела, по всей видимости, происхождение из Дунбэя, не получила дальнейшего развития на территории Монголии.

Знакомство скотоводческих народов Центральной Азии с культурой земледельческого Китая началось еще в иньскую и чжоускую эпохи или во время существования в степях карасукской культуры, культуры керексуров и плиточных могил. Относительно этого времени имеются сведения только о военных контактах между населением Китая и Степью. После войн между ними происходили какие-то переговоры, в результате которых кочевники выплачивали китайцам своеобразную дань в виде белых волков и белых оленей, являвших-

ся, по-видимому, тотемными животными. Или, наоборот, центральноазиатские племена вторгались на территорию Древнего Китая и располагались на его землях на довольно продолжительное время (Таскин, 1968, с. 12—16). Более конкретные формы контактов между этими двумя столь непохожими мирами для нас остаются пока неизвестными. Встречающиеся в плиточных могилах украшения из бирюзы и некоторые другие привозные вещи свидетельствуют о существовании между «плиточниками» и Китаем определенных взаимоотношений, возможно, в виде торгового обмена, который, судя по археологическим данным, особенно увеличился в хуннскую эпоху. В хуннских памятниках встречаются разнообразные предметы, произведенные в Китае: шелковые ткани, лаковая посуда, палочки для еды, изделия из бронзы и т.д. Имеется немало письменных источников, подтверждающих существование разнообразных связей между державой хунну и империей Хань. Именно в это время в хуннской среде начали появляться стационарные оседлые поселения. Просматриваемое в архитектурных и строительных традициях влияние восточных и южных соседей показывает, что хунну использовали в своей строительной практике опыт народов, достигших в области строительства значительных успехов.

Рассматривая хуннские материалы, можно увидеть дунбэйские параллели, т.е. связи с Северо-Восточным Китаем. В первую очередь это углубленные в землю жилища с отоплением канами, каркасно-столбовая конструкция полужемлянок и наземных жилищ со вкопанными столбами, опиравшимися на каменные плитки, применение «глинобитной» технологии. Отдельные архитектурные элементы, каркасно-столбовая конструкция, а также использование глинобита имели широкое распространение и у народов Восточной Азии.

В применении черепичного перекрытия крыш и опор в виде деревянных столбов, опиравшихся на гранитные базы, строительстве платформ заметны архитектурные традиции, проникавшие в степи из Китая. О том, какими путями проникали в степи архитектурные представления Срединной империи, пока можно только предполагать. Единственным известным нам упоминанием о посылке специалистов-художников и, по-видимому, строителей и архитекторов являются сведения танских хроник, где говорится об отправке танским императором художников для работы на поминальном сооружении Кюль тегина брата тюркского кагана Бильге (Бичурин, 1950 с. 337). Возможно, что хунну и другие кочевые народы Центральной Азии привлекали мастеров, имевших опыт строительства монументальных сооружений.

Уйгуры, тесно контактировавшие с империей Тан, особенно после участия уйгурских войск в подавлении восстания Ань Лушаня, также, по-видимому, использовали опыт танских мастеров. В применении в фортификационных сооружениях фронтальных, угловых и привратных башен просматривается влияние архитектурных традиций Тан. Однако при строительстве стен цитадели III Шагонарского городища использовались сырцовые кирпичи, выполненные по среднеазиатским стандартам. Дворцовые сооружения Орду балыка по своим архитектурным особенностям пока трудно сопоставить с какими-либо имеющимися материалами.

Кидани, граничившие с Бохаем и Сунским Китаем, использовали в своей строительной деятельности богатый опыт населения покоренных стран. Включив в состав своей империи территории этих государств, кидани начали сооружение столичных городов, применяя различные строительные технологии, вернее привлекая мастеров из разных мест.

Монголы, начавшие строительство городов в своих коренных землях, использовали в архитектурных замыслах опыт Цзиньской империи, вобравшей, в свою очередь, строительные традиции бохайцев, киданей, чжурчженей и Сунского Китая.

Здания хуннского времени в Гуа дов и других хуннских городах, уйгурский дворец в Орду балыке, дворец Угэдэя и дворец в Кондуе — свидетельства проникновения в степь традиций монументальной архитектуры, подлинное изучение которой только начинается.

Исследования древних дворцов, проведенные архитекторами Б. Даажавом (1981), В.Н. Ткачевым (1984), Л.К. Минертом (1985), показали, что строительство кочевников Центральной Азии было не слепым копированием заимствованных образцов: наблюдалось перенесение на местную почву внешних архитектурных форм с сохранением своего содержания. Вышеупомянутые авторы усматривают в архитектуре монгольского времени несомненное влияние степных традиций. Квадратная форма основы дворцовых сооружений представлялась в виде реплики округлых кошмовых юрт и шатров, но сооруженных с использованием уже другого материала (кирпича).

Разнообразные архитектурные детали, обнаруженные в городищах и городах Центральной Азии, особенно на объектах монументальной архитектуры, должны способствовать выявлению черт, характерных для кочевой архитектурной традиции в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1.
- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. (Археологические памятники сунну. Вып. 1.)
- Давыдова А.В., Шилов В.П. К вопросу о земледелии у гуннов // Вестн. древней истории. 1953. № 2.
- Даажав Б. Закономерности формообразования гэра (юрты) в монгольском зодчестве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- Древнемонгольские города / под ред. С.В. Киселева. М.: Наука, 1965.
- Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии Юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
- Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. М., 1969. (МИА № 119).
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). М.: Наука, 1979.
- Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
- Пэрлээ Х. Монгол орд улсын эрт, дундан уеийн хог суурины товчоон. Улаанбаатар, 1961.
- Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8.
- Таскин В.С. Материалы по истории сунну (по китайским источникам). М.: Наука, 1968. Вып. 1.
- Ткачев В.Н. К реконструкции дворца Угэдэя в Каракоруме // Изв. вузов. Строительство и архитектура. 1984. № 8.
- Шавкунов Э.В. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археол. открытия 1972 г. М., 1973.

SUMMARY. “Building Traditions of the Nomads of the Central Asia” — is the title of the article by Candidate of Historical Sciences S. Danilov. Various architecture details, that were found in the sites of Central Asia, will contribute, in the author’s view, to exposure of characteristic features of Nomad architecture tradition.